

ИВАН ПУТИЛИН

СОРОК ЛЕТ
СРЕДИ ГРАБИТЕЛЕЙ
И УБИЙЦ

Тру-крайм Российской империи

Иван Путилин

**Сорок лет среди
грабителей и убийц**

«ЭКСМО»

1889, 1904

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

Путилин И. Д.

Сорок лет среди грабителей и убийц / И. Д. Путилин — «Эксмо»,
1889, 1904 — (Тру-крайм Российской империи)

ISBN 978-5-04-255139-0

Воспоминания главного сыщика Российской империи — о работе под прикрытием, ночных облавах и преступлениях, потрясавших Петербург. Иван Дмитриевич Путилин — главный сыщик Российской империи, первый начальник петербургской сыскной полиции и человек, которого сегодня назвали бы русским Шерлоком Холмсом. Только в отличие от героя Конан Дойла Путилин не был выдуман: больше тридцати лет он переодевался оборванцем, чтобы втереться в доверие к ворам, ночевал в товарных вагонах, подслушивая нужные разговоры и устраивал фиктивные побеги арестанток из-под стражи, чтобы выйти на след их сообщников. Он раскрыл сотни преступлений, а выйдя в отставку, сам рассказал о самых примечательных из них. Воспоминания Путилина ценны не только как собрание криминальных историй, но и как подробная панорама Петербурга второй половины XIX века. На их страницах действуют околоточные и квартальные надзиратели, извозчики, трактирные слуги, содержатели меблированных комнат, мелкие чиновники, воры и профессиональные мошенники; герои пьют косушки, заказывают пеклеванники, встречаются в питийных погребах и снимают номера — дорогие для тайного свидания, дешевые для случайного ночлега. Исторические реалии, без которых многие детали рассказов сегодня трудно понять, раскрываются в подробных комментариях: от устройства сыскной полиции и чинов Табели о рангах до городского быта, цен и покупательной способности рубля.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-255139-0

© Путилин И. Д., 1889, 1904

© Эксмо, 1889, 1904

Содержание

От редактора	7
Вместо предисловия	9
Несколько слов для ориентировки	13
Иван Путилин в соавторстве с М. Шевляковым	15
Таинственное убийство австрийского военного агента	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Иван Путилин

Сорок лет среди грабителей и убийц

Серия «Тру-крайм Российской империи»

© Логинова Я. В. Предисловие, комментарии, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

От редактора

Интерес к Ивану Дмитриевичу Путилину в последние годы заметно растет, и это неудивительно. При жизни он был фигурой почти легендарной: о нем рассказывали анекдоты, его методы обсуждали коллеги, а громкие дела еще до книжных переизданий успели обрасти слухами и городскими легендами. Путилин (1830–1893) – первый начальник Петербургской сыскной полиции, созданной в 1866 году, человек, который фактически стоял у истоков отечественного уголовного розыска. Современники называли его «русским Леококом» – по имени знаменитого сыщика из романов Эмиля Габорио. И это было не просто красивое сравнение: за тридцать с лишним лет службы Путилин раскрыл сотни дел, многие из которых и сегодня читаются как готовые детективные сюжеты. О его репутации лучше всего говорит статья А. Ф. Кони – выдающегося юриста, судебного оратора и одного из самых авторитетных современников Путилина, – включенная в это издание отдельным материалом.

Рассказы, собранные в этой книге, написаны от первого лица – как воспоминания, сборник дел, которые сам Путилин считал наиболее показательными или памятными. Здесь не всегда точная хроника: где-то это литературная обработка, где-то – почти стенографическая запись допроса. Но именно эта пограничность между документом и литературой составляет главное обаяние текста: перед читателем разворачивается не реконструкция эпохи, а ее прямая речь – с обер-полицмейстерами и дворниками, с трактирами и притонами, с сыскными агентами, переодетыми оборванцами и языком, на котором городской и беглый каторжник понимают друг друга без перевода.

Тру-крайм в России за последние годы сильно изменился. Долгое время мы, читатели и зрители, жили почти исключительно на западном материале: «Охотник за разумом» Джона Дугласа, книги профайлеров ФБР, бесконечные байопики и документалки про Теда Банди, Джеффри Дамера, Джона Гейси, Зодиака. Именно на этом каноне жанр для нас и сформировался: с переводными бестселлерами, Netflix-сериалами и волной интереса к маньякам конца десятилетий. Свой криминальный архив – что дореволюционный, что советский – массовой культурой был почти не освоен, оставаясь территорией узкого круга специалистов и энтузиастов, а самая известная шутка жанра – «в Советском Союзе маньяков не было» – отражала это положение дел довольно точно.

В последние годы это соотношение заметно изменилось. Чикатило, Попков, Головкин и другие фигуранты отечественной криминальной хроники получили свои книги и сериалы. Параллельно неожиданное второе рождение пережил старый телевизионный архив: ролики с реакциями блогеров на выпуски «Криминальной России» девяностых набирают миллионы просмотров, а Леонид Каневский, бессменный ведущий «Следствие вели...», внезапно стал героем мемов для зрителей, которые в момент выхода программы еще не родились. У российского тру-крайма появились свои авторы и своя аудитория, и читатель, еще недавно ходивший щекотать себе нервы почти исключительно к западным маньякам, теперь все чаще делает это на своих.

Одновременно выросло и более широкое любопытство к Российской империи – не только к царям, войнам и придворной хронике, а к повседневной жизни: быту, институтам, профессиям, языку, городским привычкам. И тут воспоминания Путилина оказываются почти идеальным текстом: в них есть и детективный сюжет, и настоящая криминальная хроника, и плотная бытовая ткань эпохи. Петербург здесь виден не с парадного фасада, а с черного хода: через ночлежки, лавки, полицейские участки, трактиры, подозрительные квартиры и типажи людей, редко попадающие в школьный курс истории.

Этой книгой открывается новая серия – «Тру-крайм Российской империи». В ее рамках мы планируем знакомить читателя с малоизвестным сегодня пластом отечественной

литературы о криминальной хронике дореволюционной России: мемуарами сыщиков, судебными очерками, журналистскими расследованиями своего времени. (Кстати, само слово «трукрайм» – хороший знак того, насколько жанр у нас прижился: еще несколько лет назад мы писали *true crime* латиницей, как любой иностранный термин, а сейчас рука сама тянется дать его кириллицей и без пояснений, как любое другое обрусевшее слово.) Надеемся, что эта сторона жизни Российской империи найдет своего читателя так же, как нашли его в последние годы и другие непарадные сюжеты из нашего прошлого.

Особенность настоящего издания – справочная статья и постраничные сноски, которыми снабжен текст. Дореволюционная повседневность полна деталей быта, профессий, мер, одежды и денежного обращения, давно вышедших из обихода и не всегда понятных нам без пояснений: что такое косушка или пеклеванник, чем отличался околоточный надзиратель от квартального и почему беглый солдат больше боялся не суда, а шпицрутенов. Эти дополнения не претендуют на исчерпывающий историко-юридический комментарий. Их задача – снять языковой барьер там, где он мешает чтению, и оставить сюжет, интонацию и атмосферу текста в неприкосновенности.

*Логинова Яна,
ведущий редактор издательства «Эксмо»*

Вместо предисловия

Иван Дмитриевич Путилин

Начальник петербургской сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин был одной из тех даровитых личностей, которых умел искусно выбирать и не менее искусно держать в руках старый петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов. Прошлая деятельность Путилина, до поступления его в состав сыскной полиции, была, чего он сам не скрывал, зачастую весьма рискованной в смысле законности и строгой морали; после ухода Трепова из градоначальников отсутствие надлежащего надзора со стороны Путилина за действиями некоторых из подчиненных вызвало большие на него нарекания. Но в то время, о котором я говорю (1871–1875), Путилин не распускал ни себя, ни своих сотрудников и работал над своим любимым делом с несомненным желанием оказывать действительную помощь трудным задачам следственной части. Этому, конечно, способствовало в значительной степени и влияние таких людей, как, например, Сергей Филиппович Христианович, занимавший должность правителя канцелярии градоначальника. Отлично образованный, неподкупно честный, прекрасный юрист и большой знаток народного быта и литературы, близкий друг И. Ф. Горбунова¹, Христианович был по личному опыту знаком с условиями и приемами производства следствий. Его указания не могли пройти бесследно для Путилина. В качестве опытного пристава следственных дел Христианович призывался для совещания в комиссию по составлению Судебных уставов. Этим уставам служил он как правитель канцелярии градоначальника, действуя – при пересечении двух путей: административного усмотрения и судебной независимости – как добросовестный, чуткий и опытный стрелочник, устраняя искусной рукой, с тактом и достоинством, неизбежные разногласия, могшие перейти в резкие столкновения, вредные для роста и развития нашего молодого, нового суда. На службе этим же уставам, в качестве члена Петербургской судебной палаты, окончил он свою не шумную и не блестящую, но истинно полезную жизнь. Близкое знакомство с таким человеком и косвенная от него служебная зависимость не могли не удерживать Путилина в строгих рамках служебного долга и нравственного приличия.

По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами, пронзительные карие глаза, мягкие манеры и малороссийский выговор были характерными наружными признаками Путилина. Он умел отлично рассказывать и еще лучше вызывать других на разговор и писал недурно и складно, хотя место и степень его образования были, по выражению И. Ф. Горбунова, «покрыты мраком неизвестности». К этому присоединялась крайняя находчивость в затруднительных случаях, причем про него можно было сказать, *qu'il connaissait son monde*², как говорят французы. По делу о жестоком убийстве для ограбления купца Бояринова и служившего у него мальчика он разыскал по самым почти неуловимым признакам заподозренного им мещанина Богрова, который, казалось, доказал свое *alibi* (инобытность) и с самоуверенной усмешечкой согласился поехать с Путилиным к себе домой, откуда все было им уже тщательно припрятано. Сидя на извозчике и мирно беседуя, Путилин внезапно сказал: «А ведь мальчишка-то жив!» «Неужто жив?» – не отдавая себе отчета, воскликнул Богров, утверждавший, что никакого Бояринова знать не знает, – и сознался...

¹ Иван Федорович Горбунов (1831–1895) – русский прозаик, мемуарист, актер. Мастер исполнения устных рассказов.

² Что он знал свой мир (*фр.*).

В Петербурге в первой половине семидесятых годов не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда. Мне наглядно пришлось ознакомиться с его удивительными способностями для исследования преступлений в январе 1873 года, когда в Александро-Невской лавре было обнаружено убийство иеромонаха Иллариона. Илларион жил в двух комнатах отведенной ему кельи монастыря, вел замкнутое существование и лишь изредка принимал у себя певчих и поил их чаем. Когда дверь его кельи, откуда он не выходил два дня, была открыта, то вошедшим представилось ужасное зрелище. Илларион лежал мертвый в огромной луже запекшейся крови, натекающей из множества ран, нанесенных ему ножом. Его руки и лицо носили следы борьбы и порезов, а длинная седая борода, за которую его, очевидно, хватал убийца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ее валялись на полу в обеих комнатах. На столе стоял самовар и стакан с остатками недопитого чая. Из комода была похищена сумка с золотой монетой (отец Илларион плавал за границей на судах в качестве иеромонаха). Убийца искал деньги между бельем и тщательно его пересмотрел, но, дойдя до газетной бумаги, которой обыкновенно покрывается дно ящиков в комодах, ее не приподнял, а под ней-то и лежали процентные бумаги на большую сумму. На столе у входа стоял медный подсвечник, в виде довольно глубокой чашки с невысоким помещением для свечки посередине, причем от сгоревшей свечки остались одни следы, а сама чашка была почти на уровень с краями наполнена кровью, ровно застывшей без всяких следов брызг.

Судебные власти прибыли на место как раз в то время, когда в соборе совершалась торжественная панихида по Сперанскому³ – в столетие со дня его рождения. На ней присутствовали государь и весь официальный Петербург. Покуда в соборе пели чудные слова заупокойных молитв, в двух шагах от него, в освещенной зимним солнцем келье, происходило вскрытие трупа несчастного старика. Состояние пищи в желудке дало возможность определить, что покойный был убит два дня назад вечером. По весьма вероятным предположениям, убийство было совершено кем-нибудь из послушников, которого старик пригласил пить чай. Но кто мог быть этот послушник, выяснить было невозможно, так как оказалось, что в монастыре временно проживали, без всякой прописки, послушники других монастырей, причем они уходили совсем из лавры, в которой проживал сам митрополит, не только никому не сказавшись, но даже, по большей части, проводили ночи в городе, перелезая в одном специально приспособленном месте через ограду святой обители.

Во время составления протокола осмотра трупа приехал Путилин. Следователь сообщил ему о затруднении найти обвиняемого. Он стал тихонько ходить по комнатам, посматривая туда и сюда, а затем, задумавшись, стал у окна, слегка барабанив пальцами по стеклу. «Я пошлю, – сказал он мне затем вполголоса, – агентов (он выговаривал «ахентов») по пригородным железным дорогам. Убийца, вероятно, кутит где-нибудь в трактире, около станции». «Но как же они узнают убийцу?» – спросил я. «Он ранен в кисть правой руки», – убежденно сказал Путилин. «Это почему?» – «Видите этот подсвечник? На нем очень много крови, и она натекала не брызгами, а ровной струей. Поэтому это не кровь убитого, да и натекала она после убийства. Ведь нельзя предположить, чтобы напавший резал старика со свечкой в руках: его руки были заняты – в одной был нож, а другою, как видно, он хватал старика за бороду». – «Ну, хорошо. Но почему же он ранен в правую руку?» – «А вот почему. Пожалуйста сюда к комоду. Видите, убийца тщательно перерыл все белье, отыскивая между ним спрятанные деньги. Вот, например, дюжина полотенец. Он внимательно переворачивал каждое, как перелистывают страницы

³ Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) – русский общественный и государственный деятель, реформатор, законодотворец. Выходец из духовного сословия, сын священника, благодаря своим способностям и трудолюбию привлек внимание императора Александра I и, заслужив его доверие, возглавил его реформаторскую деятельность.

книги, и видите – на каждом свернутом полотенце снизу – пятно крови. Это правая рука, а не левая: при перевертывании левой рукой пятна были бы сверху...»

Поздно вечером, в тот же день, мне дали знать, что убийца арестован в трактире на станции Любань. Он оказался раненным в ладонь правой руки и расплачивался золотом.

Доставленный к следователю, он сознался в убийстве и был затем осужден присяжными заседателями, но до отправления в Сибирь сошел с ума. Ему, несчастному, в неистовом бреде все казалось, что к нему лезет о. Илларион, угрожая и проклиная...

Путилин был очень возбужден и горд успехом своей находчивости. У судебного следователя, в моем присутствии, пустился он с увлечением в рассказы о своем прошлом. Вот что, приблизительно, как записано в моем дневнике, он нам рассказал тогда.

«Настоящее дело заурядное, да теперь хороших дел и не бывает; так все – дрянцо какое-то. И преступники настоящие перевелись – ничего нет лестного их ловить. Убьет и сейчас же сознается. Да и воров настоящих нет. Прежде, бывало, за вором следишь да за жизнь свою опасаясь: он хоть только и вор, а потачки не даст! Прежде вор был видный во всех статьях, а теперь что? – жалкий, плюгавый!

Ваш суд его осудит, и он отсидит свое, – ну, затем вышлют его на родину, а он опять возвращается. Они ведь себя сами «Спиридонами-поворотами» называют. Мои агенты на железной дороге его узнают, задержат да и приведут ко мне: голодный, холодный, весь трясется – посмотреть не на что».

Говоришь ему: «Ты ведь, братец, вор». – «Что ж, Иван Дмитриевич, греха нечего таить – вор». – «Так тебя следует выслать». – «Помилуйте, Иван Дмитриевич!» – «Ну какой ты вор?! Вор должен быть из себя видный, рослый, одет по-почтенному, а ты? Ну посмотри на себя в зеркало – ну какой ты вор? Так, мразь одна». – «Что ж, Иван Дмитриевич, Бог счастья не дает. Уж не высылайте, сделайте божескую милость, позвольте покормиться». – «Ну хорошо, неделю погуляй, покормись, а через неделю, коли не попадешься до тех пор, вышло: тебе здесь действовать никак невозможно...» То ли дело было прежде, в сороковых да пятидесятых годах. Тогда над Апраксиным рынком был частный пристав Шерстобитов – человек известный, ума необыкновенного. Сидит, бывало, в штофном халате, на гитаре играет романсы, а канарейка в клетке так и заливается.

Я же был у него помощником, и каких дел не делали, даже вспомнить весело! Раз зовет он меня к себе да и говорит: «Иван Дмитриевич, нам с тобою, должно быть, Сибири не миновать!» «Зачем, – говорю, – Сибирь?» «А затем, – говорит, – что у французского посла, герцога Монтебелло, сервиз серебряный пропал и государь император Николай Павлович приказал обер-полицмейстеру Галахову, чтобы был сервиз найден. А Галахов мне да тебе велел найти во что бы то ни стало, а то, говорит, я вас обоих упеку куда Макар телят не гонял». «Что ж, – говорю, – Макаром загоя стращать, попробуем, может, и найдем». Перебрали мы всех воров – нет, никто не крал! Они и промеж себя целый сыск произвели получше нашего. Говорят: «Иван Дмитриевич, ведь мы знаем, какое это дело, но вот образ со стены готовы снять – не крали этого сервиза!» Что ты будешь делать? Побились мы с Шерстобитовым, побились, собрали денег, сложились да и заказали у Сазикова новый сервиз по тем образцам и рисункам, что у французов остались. Когда сервиз был готов, его сейчас в пожарную команду, сервиз-то... чтобы его там губами ободрали: пусть имеет вид как бы был в употреблении. Представили мы сервиз французам и ждем себе награды. Только вдруг зовет меня Шерстобитов. «Ну, – говорит, – Иван Дмитриевич, теперь уж в Сибирь всенепременно». «Как, – говорю, – за что?» «А за то, что звал меня сегодня Галахов и ногами топал и скверными словами ругался. «Вы, – говорит, – с Путилиным плуты, ну и плутуйте, а меня не подводите.

Вчера на балу во дворце государь спрашивает Монтебелло: «Довольны ли вы моей полицией?» «Очень, – отвечает, – ваше величество, доволен: полиция эта беспримерная. Утром она доставила мне найденный ею украденный у меня сервиз, а накануне поздно вечером камер-

динер мой сознался, что этот же самый сервиз заложил одному иностранцу, который этим негласно промышляет, и расписку его мне представил, так что у меня теперь будет два сервиза». Вот тебе, Иван Дмитриевич, и Сибирь!» «Ну, – говорю, – зачем Сибирь, а только дело скверное». Поиграл он на гитаре, послушали мы оба канарейку да и решили действовать. Послали узнать, что делает посол. Оказывается, уезжает с наследником-цесаревичем на охоту. Сейчас же к купцу знакомому в Апраксин, который ливреи шил на посольство и всю ихнюю челядь знал. «Ты, мил-человек, когда именинник?» – «Через полгода». – «А можешь ты именины справить через два дня и всю прислугу из французского посольства пригласить, а угощение будет от нас?» Ну, известно, свои люди, согласился. И такой-то мы у него бал задали, что небу жарко стало. Под утро всех развозить пришлось по домам: французы-то совсем очумели, к себе домой-то попасть никак не могут, только мычат. Вы только, господа, пожалуйста, не подумайте, что в вине был дурман или другое какое снадобье. Нет, вино было настоящее, а только французы слабый народ: крепкое-то на них и действует.

Ну-с, а часа в три ночи пришел Яша-вор. Вот человек-то был! Душа! Сердце золотое, незлобивый, услужливый, а уж насчет ловкости, так я другого такого не видывал.

В остроге сидел бессменно, а от нас доверием пользовался в полной мере. Не теперешним вора чета был. Царство ему небесное! Пришел и мешок принес: вот, говорит, извольте сосчитать, кажись, все. Стали мы с Шерстобитовым считать: две ложки с вензелями лишних. «Это, – говорим, – зачем же, Яша? Зачем ты лишнее брал?» «Не утерпел», – говорит... На другой день поехал Шерстобитов к Галахову и говорит: «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, никаких двух сервизов и не бывало. Как был один, так и есть, а французы народ ведь легкомысленный, им верить никак невозможно». А на следующий день затем вернулся и посол с охоты. Видит – сервиз один, а прислуга вся с перепоею зеленая да вместо дверей в косяк головой тычется. Он махнул рукой да об этом деле и замолк».

«Иван Дмитриевич, – сказал я, выслушав этот рассказ, – а не находите вы, что о таких похождениях, может быть, было бы удобнее умалчивать? Иной ведь может подумать, что вы и до сих пор действуете по-шерстобитовски...» «Э-э-эх! Не те времена, и не такое мое положение, – отвечал он. – Знаю я, что похождения мои с Шерстобитовым не совсем-то удобны, да ведь давность прошла, и не одна, а, пожалуй, целых три. Ведь и Яши-то вора – царство ему небесное! – лет двадцать как в живых уж нет».

Анатолий Федорович Кони

Несколько слов для ориентировки

Чтобы не дробить внимание читателя на постраничные сноски там, где речь идет не об отдельном слове, а о целой системе понятий, мы собрали здесь несколько кратких справок – о деньгах, мерах и чинах, упоминаемых в этой книге. Их можно прочитать сразу, а можно пропустить и обращаться к ним по ходу чтения.

О деньгах

Денежная система дореволюционной России была устроена просто: рубль, как и сейчас, состоял из ста копеек, а основными монетами и купюрами в обиходе были пятак, гривенник (10 копеек), полтина (50 копеек) и рубль, далее – трех-, пяти-, десяти- и двадцатипятирублевые ассигнации; «красенькой» в просторечии называли десятирублевую купюру по цвету (она и в самом деле была красной), а «синенькой» – пятирублевую.

Бумажные деньги, упоминаемые в книге как *кредитные билеты* или *кредитные бумажки*, появились после денежной реформы 1843 года, заменив прежние, обесценившиеся ассигнации: новые билеты были обеспечены серебром и считались надежной, устойчивой валютой – собственно, бумажными деньгами в современном смысле слова, в отличие от хождения старых ассигнаций, чей курс мог скакать непредсказуемо.

Немного о покупательной способности упомянутых в тексте сумм: чернорабочий или прислуга в Петербурге второй половины XIX века могли получать порядка 3–15 рублей в месяц, квалифицированный фабричный рабочий – 25–35 рублей, мелкий чиновник или городской – 15–25 рублей. Дальше шкала росла быстро: жалованье среднего чиновника измерялось уже десятками рублей в месяц, а высокого чиновника, управляющего или офицера в чине – несколькими сотнями рублей в год. Соответственно, копейки и гривенники в этой книге – мелочь на чай, выпивку, извозчика; рубль-два – день или несколько дней заработка простого человека; а суммы в 50–100 рублей и выше – уже заметный, очень нескромный доход, ради которого совершались и кражи, и убийства, описанные в этих рассказах.

О мерах длины

Дореволюционная система мер была построена на бытовых ориентирах – шаге, ладони, размахе рук, – поэтому соотношения между единицами не всегда круглые.

Верста – 1066,8 м, чуть больше километра; основная единица для измерения расстояний между населенными пунктами («в трех верстах от Петербурга»).

Сажень – 2,13 м, около трех шагов взрослого человека; использовалась для измерения построек, расстояний внутри двора или сада, глубины.

Аршин – 71 см, примерно длина руки от плеча до кончиков пальцев; основная мера длины тканей, одежды и небольших расстояний.

Вершок – 4,4 см, ширина двух сложенных пальцев. Рост человека по старой традиции считали не целиком в каких-то единицах, а особым способом: брали два аршина за базовую величину (рост среднего человека) и добавляли к ним вершки сверху. Поэтому встречающееся в тексте «двенадцативершкового роста» означает не двенадцать вершков целиком, а человека на двенадцать вершков *выше* этой базовой меры – то есть очень высокого, почти двухметрового мужчину.

О чинах и должностях полиции

Полицейская система дореформенной и пореформенной России была многоступенчатой, и в книге встречаются почти все ее звенья.

На самом нижнем уровне служили *городовые* – постовые чины, отвечавшие за порядок на конкретной улице или площади, и *хожалые* – должность более раннего происхождения, фактически выполнявшая ту же функцию рассыльного-исполнителя при участке.

Над ними стоял *околоточный надзиратель* – чин, появившийся позже остальных (с 1860–1880-х годов) и заведовавший небольшим участком, «околотком», внутри квартала; в его обязанности входил текущий надзор и охрана порядка, а не следствие.

Квартальный надзиратель, а позже – *полицейский надзиратель*, отвечал уже за целый квартал города и, в отличие от околоточного, вел розыскные и следственные действия. Именно эту должность Путилин занимал в начале своей карьеры, до учреждения сыскной полиции.

На уровень выше находился *пристав* – фигура, которая в зависимости от типа дел могла называться по-разному: *пристав следственных дел* вел уголовное следствие на своем участке, *становой пристав* отвечал за порядок и следствие в стане – административной единице уезда, вне городов.

Рядом с полицейской иерархией существовала смежная судебная: после реформы 1864 года в делах участвовали *мировой судья* (низшая судебная инстанция по мелким делам), *прокурор окружного суда* и *следователь* – представители новой, отделенной от полиции судебной власти, с которой у сыска порой возникали трения за разграничение полномочий, как это описано в первом рассказе книги.

Венчали всю эту систему в столице *обер-полицмейстер* – высший полицейский чин Петербурга, позже переименованный в *градоначальника*, и, еще выше, *шеф жандармов* – глава Корпуса жандармов, ведавшего политическим сыском и стоявшего вне общей полицейской иерархии.

Наконец, отдельная линия – чины собственно сыскной полиции, учрежденной в 1866 году и впервые в России выделившей уголовный розыск в самостоятельную структуру; начальником этого управления и был Иван Дмитриевич Путилин, чьи воспоминания составляют эту книгу.

О телесных наказаниях

До судебной реформы 1860-х годов система телесных наказаний пронизывала и уголовное, и военное законодательство, и быт сословий – отсюда такая частота, с которой эта тема всплывает в книге.

Кнут – тяжелая плеть на длинной рукояти, самое суровое из неуставных орудий наказания, фактически равносильное казни; отменен в 1845 году.

Плеть – более легкое орудие, продолжавшее применяться после отмены кнута, в том числе при «торговой казни» – публичном наказании на людном месте или рыночной площади.

Шпицрутены – длинные гибкие прутья, применявшиеся исключительно в армии: наказанного прогоняли через строй солдат, каждый из которых наносил удар, отсюда формулировка «наказан через пятьсот человек» – то есть прогнан сквозь строй такой численности, что для крепкого мужчины часто означало смертельный исход.

Розги – самое распространенное и «бытовое» из орудий наказания, применявшееся не только в уголовной практике, но и в школе, семье, армии; оставались в обиходе значительно дольше прочих перечисленных видов.

Исполнением этих наказаний занимался *палач*, или *запечный мастер* – штатная, но крайне непопулярная должность, на которую годами не находилось желающих; обстоятельства одного из таких случаев – предмет отдельного рассказа в этой книге.

Иван Путилин в соавторстве с М. Шевляковым Сорок лет среди грабителей и убийц

Таинственное убийство австрийского военного агента

Вот одно из самых диких и, как потом выяснилось, одно из самых бессмысленнейших преступлений, доставившее мне очень много хлопот и тревог... Слава богу, сыск оказался на высоте и все окончилось благополучно, если только можно в данном случае говорить о каком-то благополучии. Но сначала скажу несколько слов об обстоятельствах и времени, когда случилось это неслыханное по своей дикости преступление.

Это было в начале моей деятельности в качестве первого начальника управления сыскной полиции, учрежденного при Санкт-Петербургском обер-полицмейстере (потом градоначальнике), в 1866 году. Почти одновременно с этим вводились в практику новые судебные уставы, поэтому между представителями созданных судебных учреждений и сыскной частью часто возникали разные недоумения на почве выяснения взаимных прав и прерогатив.

Случай тяжелого испытания, как для новоучрежденной прокурорской и следственной власти, так и для сыска новой организации, представился в 1871 году, когда с учетом личности убитого и могущих отсюда произойти политических недоразумений было категорически потребовано свыше, чтобы преступники были обнаружены немедленно и во что бы то ни стало...

Итак, 25 апреля 1871 года в девятом часу утра мне сообщили, что австрийский военный посол князь Людвиг фон Аренсберг найден камердинером мертвым в своей постели.

Скажу несколько слов о личности и жизни князя.

Он жил на Миллионной улице в бывшем доме князя Голицына, близ Зимнего дворца, как раз напротив помещения первого батальона Преображенского полка. Князь занимал весь нижний этаж дома, который окнами выходил на улицу. Квартира имела два входа: парадный – с выездом на Миллионную – и черный. Парадные комнаты сообщались с людскими довольно длинным коридором, оканчивавшимся небольшими сенями. Верхний этаж дома не был занят.

У князя было шесть человек прислуги: камердинер, повар, кухонный мужик, берейтор⁴ и два кучера. Но из всех лишь один кухонный мужик безотлучно находился при квартире, ночуя в людской. Камердинер и повар на ночь уходили к своим семьям, жившим отдельно, берейтор тоже постоянно куда-то отлучался, кучера же жили во дворе в отдельном помещении.

Князь был человек еще не старый, лет под шестьдесят, холостой и прекрасно сохранившийся. Он мало бывал дома. Днем разъезжал по делам и с визитами, обедал обыкновенно у своих многочисленных знакомых и заезжал домой только часов около восьми вечера. Здесь час или два отдыхал, а вечер проводил в яхт-клубе, возвращаясь домой с рассветом.

Не желая, вероятно, иметь свидетелей своего позднего возвращения, а может быть, руководствуясь иными соображениями, но швейцара при парадной входной двери князь не заходил держать и настоял на том, чтобы домовладелец отказал ему. Ключ от парадной двери для ночных возвращений он держал при себе. И когда князь днем бывал дома, то парадная дверь оставалась открытой.

Получив известие о смерти князя Людвига фон Аренсберга, я, направив в квартиру князя нескольких своих агентов, не теряя ни минуты, сам бросился туда. Вскоре за мной туда же явился прокурор окружного суда, а вслед за ним масса высокопоставленных лиц, в

⁴ Берейтор – слуга, обучавший верховой езде и следивший за выездными лошадьми.

том числе его Императорское Высочество принц Петр Георгиевич Ольденбургский, герцог Мекленбург-Стрелицкий, министр юстиции граф Пален, шеф жандармов граф П. А. Шувалов, австрийский посол граф Хотек, градоначальник Санкт-Петербурга генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов и многие другие... «Отыщи или погибни!» – казалось, говорили мне глаза всех. Надо было действовать...

Дело взволновало весь Петербург. Государь повелел ежечасно докладывать ему о результатах следствия. Надо сознаться, что при таких обстоятельствах, в присутствии такого числа и таких высоких лиц было не только труднее работать и соображать, но даже, как мне казалось, было поставлено на карту существование самой сыскной полиции, не говоря уже о моей карьере.

Предварительный осмотр дал следующее: никаких взломов дверей или окон не было. Злоумышленник (или злоумышленники) вошел в квартиру, очевидно открыв дверь ключом.

Из показаний прислуги выяснилось, что около шести-семи часов утра камердинер князя вместе с поваром возвратились на Миллионную, проведя всю ночь в гостях. В половине девятого камердинер бесшумно вошел в спальню, чтобы разбудить князя. Но при виде царившего в комнате беспорядка остановился как вкопанный, затем круто повернул назад и бросился в людскую.

– Петрович, с князем несчастье! – задыхаясь, сказал он повару, и они оба со всех ног бросились в спальню, где их глазам представилась картина убийства: опрокинутые ширмы, лежащая на полу лампа, разлитый керосин, сбита кровать и одеяло на полу. Голые ноги князя торчали у изголовья кровати.

– Оставайся здесь, а я пошлю дворника за полицией, – сказал повар.

Накануне этого несчастного дня, т. е. 24 апреля 1871 года, князь, по обыкновению, пятнадцать минут десятого вечера вышел из квартиры и приказал камердинеру разбудить себя в половине девятого утра. У подъезда он взял извозчика и поехал в яхт-клуб. Камердинер затворил на ключ парадную дверь, поднялся в квартиру и, подойдя к столику в передней, положил туда ключ. (У князя, как я уже говорил, в кармане пальто всегда находился второй ключ, которым он отворял входную дверь, чтобы не беспокоить никого из прислуги; дверь же от квартиры оставалась постоянно открытой.)

Камердинер убрал спальню, приготовил постель, опустил шторы, вышел из комнат, запер их на ключ и через дверь, которая соединяла коридор с сенями, отправился в людскую, где его поджидал повар. Через пятнадцать минут камердинер с поваром сели на извозчика и уехали. Вот и все, что удалось узнать от прислуги.

В спальне князя царил хаос. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что князь был задушен после отчаянного сопротивления. Лицо убитого было закрыто подушкой, а сам он лежал ногами к изголовью. Руки были сложены на груди и завернуты в конец простыни, а затем перевязаны оторванным от оконной шторы шнурком. Ноги были тоже завязаны выше колен собственной рубашкой убитого, а около щиколоток – обрывком бечевки. Когда труп приподняли, то под ним нашли фуражку. Одеяло и подушки валялись на полу, залитом керосином из разбитой и валявшейся тут же лампы. На белье были видны следы крови, вероятно от рук убийц, так как на теле князя никаких ран не было.

По словам камердинера, были похищены разные вещи, лежавшие в столике около кровати: золотые французские монеты, золотые часы, два иностранных ордена, девять бритв, серебряная мыльница, три револьвера и принадлежавшая покойному пуховая шляпа-цилиндр.

В соседней комнате рядом со спальней вся мебель была перевернута. На крышке несгораемого сундука, где хранились деньги князя и дипломатические документы, были заметны повреждения и следы крови. Видимо, злоумышленники потратили много сил, чтобы открыть сундук или оторвать его от пола, но толстые цепи, которыми он был прикреплен к полу, не

поддались. Около окна валялся поясной ремень, на окне стояла маленькая пустая «косушка»⁵ и лежал кусочек чухонского масла⁶, завернутый в бумагу. Вот все данные, с которыми предстояло начать поиски.

Чтобы иметь еще какие-нибудь улики, я начал внимательно осматривать убитого и обратил внимание на то, что труп князя лежал головой в сторону, противоположную от изголовья кровати. «Это положение трупа не случайное, – подумал я. – Злодеи во время борьбы прежде всего постарались отдалить князя от сонетки⁷, висевшей как раз над изголовьем, чтобы он не смог позвать к себе на помощь спавшего кухонного мужика. Но так мог поступить, очевидно, только домашний человек, хорошо знавший привычки князя и расположение комнат».

Вот первое заключение, сложившееся у меня в те несколько минут, которые я провел у кровати покойного. Само собой разумеется, что этих предположений я не сообщил ни прокурору, ни всему блестящему обществу, присутствовавшему в квартире князя при осмотре.

Я принялся опять за расспросы камердинера, кучеров, конюха, дворника и кухонного мужика. Не надо было много труда, чтобы убедиться, что между ними убийцы нет. Ни смущения, ни сомнительных ответов, вообще никаких данных, бросающих хотя бы тень подозрения на домашнюю прислугу князя, не обнаружилось. И все-таки я не отказывался от мысли, что убийца князя – близкий к дому человек.

Тогда я вновь принялся за расспросы прислуги, питая надежду, что среди их знакомых найдутся подозрительные лица. Надо сказать, что прислуга покойного князя, получая крупное жалованье и пользуясь при этом большой свободой, весьма дорожила своим местом и жила у князя по несколько лет. Исключение в данном случае составлял кухонный мужик, который поступил на работу к князю не более трех месяцев тому назад.

Прекрасная аттестация о нем графа Б., у которого он служил десять лет до отъезда последнего за границу, все собранные о нем сведения и правдивые ответы о том, как он провел последнюю ночь, внушали полную уверенность в его непричастности к этому делу.

Я уже хотел закончить его допрос, как вдруг у меня появилась мысль спросить про кухонного мужика, который жил у князя до его поступления.

– Я поступил к князю, когда уже был рассчитан прежде служивший кухонный мужик, потому я его не видал и ничего о нем не знаю.

Стоявший тут же дворник при последних словах кухонного мужика сказал:

– Да он вчера был здесь.

– Кто это «он»? – спросил я у дворника.

– Да Гурий Шишков, прежний кухонный мужик, служивший у князя! – последовал ответ.

После расспросов прислуги и дворников оказалось, что служивший месяца три тому назад у князя кухонным мужиком крестьянин Гурий Шишков, только что отсидевший в тюрьме свой срок по приговору мирового судьи за кражу, заходил за день до убийства во двор этого дома, чтобы получить расчет за прежнюю службу. Но, не дождавшись князя, ушел, сказав, что зайдет в другой раз.

Предчувствие или опыт подсказали мне, что эта личность может послужить ключом к разгадке тайны.

– Но где же проживает Шишков? У кого он сейчас служит или служил раньше?

На эти вопросы прислуга князя ничего не могла ответить, так как никто ничего не знал.

Немедленно я послал агента в адресный стол узнать адрес Шишкова. Прошел томительный час, пока агент вернулся.

⁵ Косушка – мера водки, равная 1/40 ведра (около 0,3 л), а также сосуд такого объема.

⁶ Чухонское масло – сливочное масло финского или прибалтийского производства (от *устар.* «чухна», «чухонцы» – финны, эстонцы).

⁷ Сонетка – шнур или кнопка у изголовья кровати для вызова слуги звонком.

– На жительство, по сведениям адресного стола, Гурий Шишков в Петербурге не значится, – вот ответ, который принес агент.

Между тем узнать местожительство Гурия Шишкова было весьма важно. Но как это сделать? Подумав, я приказал полицейскому надзирателю Б. немедленно ехать в тюрьму, в которой сидел Шишков, и постараться получить сведения о крестьянине Гурии Шишкове, выпущенном на свободу несколько дней тому назад. Эти сведения он должен был получить от сидевших с Шишковым и еще отбывающих срок наказания арестантов.

Я был вполне уверен, что этот прием даст желаемые результаты. «Быть не может, – думал я, – чтобы во время трехмесячного нахождения в тюрьме Шишков не рассказал о себе или о своих родных тому, с кем он дружил. Весь вопрос в том, сумеет ли выведать Б. то, что нужно».

Через три часа я уже знал, что Шишкова во время его заключения навещали знакомые и его жена, жившая, как указал товарищ Шишкова по заключению, на Васильевском острове, у кого-то в кормилицах.

Приметы Шишкова следующие: высокого роста, плечистый, с тупым лицом и маленькими глазами, на лице слабая растительность. Смотрит исподлобья.

– Прекрасно, поезжайте теперь к его жене, – сказал я Б., передавшему мне эти сведения, – и если Шишков там, то арестуйте его и немедленно доставьте ко мне.

– А если Шишкова у жены нет, то арестовать прикажете его жену? – спросил меня Б.

– Но не сразу... Оденьтесь на всякий случай попроще, чтобы походить на лакея, полотера, вообще на прислугу. В этом виде вы явитесь к мамке, конечно, через черный ход, вызовете ее на минуту в кухню и, назвавшись приятелем ее мужа, скажете, что вам надо повидать Гурия. Если же она вам на это заявит, что его здесь нет, то, как бы собираясь уходить, вы с сожалением в голосе скажете: «Жаль, что не знаю, где найти Гурия, а место для него у графа В. было бы подходящее... Шутка сказать, пятнадцать рублей жалованья в месяц на всем готовом. За этим я и приходил... Ну, прощайте, пойду искать другого земляка, время не терпит. Хотел поставить Гурия, да делать нечего». Если и после этого она не укажет вам адреса знакомых или родных, где, по ее мнению, можно найти Гурия, то вам надо будет, взяв дворника, арестовать ее и доставить ко мне, сделав обыск в ее вещах.

Вот что вышло из этого поручения. Между четырьмя и пятью часами вечера к воротам дома по второй линии Васильевского острова подошел какой-то субъект в стареньком пальто, высоких сапогах и шарфом вокруг шеи. Это был переодетый Б. Он вошел в дворницкую и, узнав там номер квартиры, в которой жила г-жа К-ва, пошел с черного хода и позвонил. Дверь открыла кухарка.

– Повидать бы мне надо на пару слов мамку, – произнес Б. просительно.

Кухарка вышла и через минуту возвратилась с мамой. С первых же слов Б. узнал, что мужа ее в квартире нет. Но когда он довольно подробно объяснил цель своего прихода и сделал вид, что собирается уходить, мамка его остановила.

– Ты бы, родимый, повидался с дядей Гурьяна... Он всегда останавливается у него на квартире, когда без места, а у меня он больше трех месяцев не был, хоть срок ему уже вышел. Неласковый какой-то он стал! – с грустью заключила баба.

Кроме адреса дяди, мамка назвала еще два адреса его земляков, где, по ее мнению, можно было встретить мужа. Когда Б. передал мне весь свой разговор с женой Шишкова, я решил сделать одновременно обыск у дяди Шишкова, крестьянина Василия Федорова, проживавшего по Сергиевской улице кухонным мужиком у греческого консула Р-ки, и еще в двух местах по указанным адресам, где можно было бы рассчитывать застать Шишкова.

Обыск у крестьянина Федорова был поручен тому же Б., которому были известны приметы Гурия, а в помощь ему были командированы два агента...

Несмотря на приближение ночи, был уже на исходе девятый час вечера, Б. с двумя агентами и околоточным надзирателем подъехали на извозчиках к дому по Сергиевской улице.

Тотчас звонком в ворота были вызваны дворники. Из соседнего дома также по звонку явились два дворника, а по свистку околоточного надзирателя – два городских. Все выходы в доме тотчас были заняты караулом, после чего полицейский чиновник Б. вместе с агентом, околоточным надзирателем и старшим дворником стали взбираться по черной лестнице на второй этаж. Чтобы застать врасплох и исключить возможность сопротивления или сокрытия вещей, Б. распорядился действиями своего отряда так: старший дворник должен был позвонить у черных дверей и, войдя на кухню, спросить у Василия Федорова о Шишкове, за которым прислала его жена с Васильевского острова.

У черных дверей, которые дворник не должен наглухо затворять, чтобы можно было с лестницы слышать все, что происходит на кухне, и сообразно этому действовать, должны были находиться чиновник Б. и околоточный надзиратель. Агент же должен был занять нижнюю площадку лестницы и по свистку явиться в квартиру.

Старший дворник дал звонок. Дверь тотчас отворила какая-то женщина. Появление в кухне дворника, как весьма обычное явление, никого не встревожило, и все продолжали делать свое дело. Дворник, окинув взглядом кухню, прямо направился к невзрачному человеку, чистившему на прилавке ножи.

– Послушай, Василий, мне бы Гурия повидать, там какая-то баба от жены его прислана.

– Да он тут валяется – должно быть, выпивши! – И Василий крикнул: – Гурьяша, подика сюда! Тут в тебе есть надобность!

Из соседней с кухней комнаты с заспанным лицом и мутным взглядом вышел плечистый малый и буркнул:

– Чего я тут понадобился?

Но не успел он закончить фразы, как его схватили.

– Где эту ночь ночевал? – обратился к Шишкову чиновник Б.

– У дяди, – последовал ответ.

– Василий Федоров, правду говорит племянник?

– Нет, ваше высокородие, это не так. Гурий вышел из квартиры вчерашнего числа около шести часов вечера, а возвратился только сегодня в седьмом часу утра.

Остальная прислуга подтвердила показания дяди об отсутствии племянника в ночь, когда было совершено преступление.

При осмотре у Шишкова было найдено в жилетном кармане двадцать один рубль кредитными бумажками, из которых на одной трехрублевой бумажке были следы крови. Больше ничего подозрительного не было найдено ни у Шишкова, ни у его дяди.

Когда обыск был закончен, чиновник Б. приказал развязать Гурия, предупредив последнего, что при малейшей его попытке к бегству он будет вновь скручен веревками. Затем его посадили в карету и повезли в сопровождении чиновника Б. и околоточного надзирателя.

Во время дороги Шишков хранил молчание, исподлобья поглядывая на полицейских чинов. Спустя полчаса карета подкатила к воротам Управления сыскной полиции, размещавшегося в то время на одной из самых аристократических улиц города. Итак, к вечеру того же дня, когда было обнаружено убийство, был задержан один из подозреваемых.

Между тем все подробности происшествия (вид задушенной жертвы, которая нещадным образом была перевязана или, вернее сказать, скручена веревками; время, которое надо было иметь, чтобы оторвать эту веревку от шторы, не выпуская жертвы из рук, так как веревка, очевидно, потребовалась уже после задушения, для безопасности, чтобы не вскочил придушенный, и, наконец, довольно значительные следы крови и повреждений на несгораемом сундуке, прикованном к полу), вместе взятые, убеждали меня в том, что тут работал не один человек, а несколько, друг другу помогавших, и потому ограничиться арестом одного из подозреваемых в убийстве – значит, не выполнить всей задачи раскрытия преступления.

Но как обнаружить сообщников преступления? Признание Шишкова и указание на сообщников, несомненно, облегчили бы поиски преступников. Надеюсь на это, я тотчас, по доставлении Шишкова в сыскное отделение, дал знать судебным властям.

По экстраординарности ли преступления или, быть может, потому, что быстрота поимки преступника возбуждала у лиц судебной власти некоторое сомнение насчет того, не захватила ли полиция по излишнему усердию кого ни попало, Шишкова не потребовали на Литейную для допроса, как это делалось обыкновенно, а напротив, все высокопоставленное общество, находившееся в квартире убитого, судебные чины и зрители – все без исключения пожаловали в Управление сыскальной полиции.

Прокурор и следователи с некоторым недоверием принялись допрашивать Шишкова, но тот упорно отрицал свою виновность. Судебным властям предстояло немало с ним повозиться, но моя роль по отношению к нему была окончена.

Несмотря на то что Шишков не признавался, я был глубоко убежден, что он, несомненно, один из виновников преступления. Я решил искать соучастников Шишкова среди преступников, отбывавших наказание в тюрьме вместе с ним, и с этой целью вновь отправил в тюрьму чиновника Б.

Из его беседы с двумя арестантами, которым, как старым знакомым, не раз побывавшим в сыском отделении, он привез чаю, сахару и калачей, Б. узнал, что Шишков, вообще не любимый арестантами за свою злобность и необщительность, дружил с одним лишь арестантом – Гребенниковым, окончившим свой срок заключения несколькими днями ранее Шишкова. Те же арестанты в общих чертах сообщили Б. приметы Гребенникова.

Но всякие следы о местопребывании Гребенникова отсутствовали. Ни родных, ни знакомых обнаружить не удалось.

Узнав от Б. эти подробности, я велел дежурному полицейскому надзирателю, чтобы к десяти часам вечера весь наличный состав сыского отделения был в сборе и ждал моих дальнейших распоряжений.

Около полуночи я собрал агентов и приказал им обойти все трактиры и притоны и собрать сведения о молодом человеке 25–28 лет, высокого роста, с маленькими черными усиками и такою же бородкой, что-нибудь купившим в одном из этих заведений в течение сегодняшнего дня, причем при расплате он мог рассчитывать французскими золотыми монетами.

– Человек, которого нам нужно найти, – сказал я агентам, – сегодня утром был, вероятно, в сером цилиндре с трауром. Если вы найдете такого господина, не упускайте его из виду, в крайнем случае – арестуйте и доставьте ко мне. Вам же, – обратился я к полицейскому Б. и двум агентам, – поручаю особенно тщательно осмотреть трактирные заведения и постоялые дворы, расположенные по Знаменской улице, а именно трактиры: «Три великана», «Рыбинск», «Калач», «Избушка», «Старый друг» и «Лакомый кусочек». В этих заведениях, если вы не встретите самого Петра Гребенникова, которого, конечно, тотчас арестуйте, то от буфетчиков, половых⁸, маркёров⁹ и завсегдатаев получите, конечно, при некоторой ловкости, сведения о местопребывании Гребенникова; старайтесь разузнать, есть ли у Гребенникова любовницы; особое внимание обратите на проституток.

Полчаса спустя один из агентов, юркий М., входил на грязную половину трактира «Избушка». Здесь дым стоял коромыслом: из бильярдной слышались стук шаров и пьяные возгласы. Агент протолкался в бильярдную и, сев за столик, спросил бутылку пива. Публика, если так можно назвать сброд, наполнявший трактир, все прибывала и прибывала. Агент, севший в тени, чтобы не обращать на себя внимания, зорко вглядывался в каждого входившего

⁸ Половой – слуга, обслуживавший посетителей в трактире.

⁹ Маркёр – служащий, считавший очки и следивший за порядком при игре на бильярде.

и прислушивался к разговору. Убедившись, наконец, что в бильярдной Гребенникова нет, М. сел в общий зал недалеко от буфета. Здесь почти все столики были заняты. Две проститутки были уже сильно навеселе, и около них увивались «кавалеры», среди которых агент без труда узнал многих известных полиции карманных воров и других рыцарей воровского ордена.

Часы пробили половину двенадцатого – оставалось мало времени до закрытия заведения. М. перестал надеяться получить какие-либо сведения о Гребенникове. Вдруг его внимание привлек донесшийся до него разговор.

– Выпил, братец ты мой, он три рюмки водки, закусил балыком и кидает мне на выручку золотой... «Получите, – говорит, – что следует...» Я взял в руки золотой, да уж больно маленький он мне показался. Поглядел, вижу, что не по-нашему на нем написано. «Припасай, – говорю, – шляпа, другую монету, а эта у нас не ходит». «Сразу видно, – говорит он мне, – что вы человек необразованный, во французском золоте ничего не смыслите!» Золотой-то назад взял и «канареечную» мне сунул, ну я ему сорок копеек с нее и сдал. Мне за эти слова обидно стало и говорю ему: «Давно ли, Петр Петрович, форсить в цилиндрах стали? По вашей роже и картуз¹⁰ впору, видно, у факельщика взяли да траур снять позабыли! Это я про черную ленту на шляпе». Ну, а он: «Серая необразованность» – говорит, да и стрекача дал, конфузно, видно, стало! – заключил буфетчик, обращаясь к стоявшему у прилавка испитому человеку в фуражке с чиновничьей кокардой, как видно, своему доброму приятелю.

М. выждал закрытия трактира и, когда трактир опустел, подошел к буфетчику и, объявив ему, кто он, расспросил о приметах человека в цилиндре. По всем приметам это был не кто иной, как Гребенников. От того же буфетчика агент узнал, что утром в трактире была любовница Гребенникова – Мария Кислова.

Заручившись адресом Кисловой и объявив буфетчику, что в случае прихода Гребенникова он должен быть немедленно арестован как подозреваемый в убийстве, М. отправился к Кисловой. Однако дома он застал только ее подругу, которая сообщила, что Кислова не приходила домой с восьми часов вечера (был уже второй час ночи). Сделав распоряжение о немедленном аресте Гребенникова и Кисловой, если они явятся сюда ночевать, М. оставил квартиру под наблюдением двух опытных агентов и отправился в публичные дома на поиски Гребенникова.

В течение целой ночи агенты докладывали мне о своих безрезультатных поисках. Три лица, задержанные благодаря сходству с Гребенниковым, были отпущены. Явился и агент М. Слушая его доклад, я все более убеждался в том, что сегодня Гребенников будет в наших руках.

Я приказал М. вместе с двумя агентами наблюдать за трактиром «Избушка»; другим агентам – караулить квартиру любовницы Гребенникова, а двенадцати агентам – следить за всеми трактирами по Знаменской и прилегающим к ней улицам.

Как оказалось, по справкам адресного стола, Гребенников проживал раньше на Знаменской улице, поэтому и можно было ожидать, что, получив деньги, он явится в один из тех трактиров, где был завсегдатаем.

Около семи часов утра, когда открываются трактиры, агент Б. и два его товарища явились на Знаменскую улицу. Пойти прямо в «Избушку» и ждать прихода Гребенникова или его любовницы Б. не решался из опасения, чтобы кто-либо из знакомых Гребенникова, узнав Б., не предупредил бы того, что в трактире его ждут.

Б. решил наблюдать за «Избушкой» из окон находившейся напротив портерной лавки, однако она еще не была открыта. Агенты стали прогуливаться в отдалении, не выпуская из виду «Избушку». Когда портерная открылась, Б., поместившись у окна и делая вид, что читает

¹⁰ Картуз – мужской головной убор с твердым околышем и козырьком.

газету, не спускал глаз с трактира. У другого окна разместился еще один агент. Прошел час, другой, третий...

Приказчик начал недоверчиво посматривать на этих двух немых посетителей. На исходе второго часа в портерную вошел М. и немного спустя другой агент, явившиеся на смену первым двум, которые тотчас удалились. Это дежурство посменно продолжалось до вечера. На колокольне Знаменской церкви ударили ко всенощной...

Вдруг со вторым ударом колокола один из дежуривших вскочил как ужаленный и бросился к выходу... К «Избушке» медленно подходил высокий мужчина в сером цилиндре с трауром. Только он занес ногу на первую ступень лестницы, как неожиданно получил сильный толчок в спину, заставивший его схватиться за перила.

Озадаченный толчком, Гребенников (это был он) в первый момент растерялся. Этим воспользовался Б. и обхватил его. Но Гребенников, увидев опасность, сильно рванулся и освободился от сжимавших его рук. Почувствовав себя на свободе, он бросился вперед, но сейчас же попал в руки Ю. Они схватили Гребенникова за руки. Видя, что сопротивление бесполезно, Гребенников покорился своей участи, произнес с угрозой:

– Какое вы имеете право нападать на честного человека среди бела дня, точно на какого-нибудь убийцу или вора? Прошу немедленно возвратить мне свободу, иначе я тотчас буду жаловаться прокурору! Не на такого напали, чтобы вам прошло это даром. Вы ошиблись, приняли, вероятно, меня за кого-либо другого. Покажите бумагу, разрешающую вам меня арестовать.

– Причину ареста сейчас узнаешь в сыском отделении! – проговорил в ответ Б., не переставая вместе с агентом крепко держать за руки Гребенникова. Затем все трое сели в проезжавшую мимо карету и привезли его в сыское отделение.

Гребенников всю дорогу выражал негодование по поводу своего ареста и обещал пожаловаться самому министру на своевольные действия полиции.

В сыском отделении Гребенников был обыскан. У него оказались золотые часы покойного князя Аренсберга и несколько французских золотых монет.

Таким образом, к вечеру второго дня после обнаружения преступления оба подозреваемых уже были в руках правосудия. Дальнейший ход дела уже не зависел от сыской полиции, но тем не менее допросы происходили в нашем управлении.

Обвиняемые в убийстве князя Аренсберга Шишков и Гребенников не сознавались в преступлении, и это обстоятельство огорчало всех присутствовавших. Многие выражали мне свое явное неудовольствие на неспособность органов дознания добиться от преступников признаний. Щекотливое положение, в котором я оказался благодаря упорному запирательству арестованных, заставило меня доложить обо всем происходившем моему непосредственному начальнику генерал-адъютанту Трепову.

Трепов тотчас же приехал в управление и вошел в комнату, где содержался Гребенников.

– У тебя третьего дня борода была длиннее, когда тебя видели в доме князя Голицына! – сказал генерал, в упор глядя на Гребенникова.

Гребенников, когда-то служивший письмоводителем у следователя, сразу понял, что его хотят поймать на слове, и, немного подумав, спокойно ответил:

– А где же этот дом князя Голицына? Как же могли меня там видеть, когда я и дома-то этого не знаю!

Этот допрос также не дал никакого результата. Шишков тоже не сознавался, отвечая на все вопросы или фразой: «Был выпивши, не помню, где был», либо молчал.

Прокурор, бесплодно пробившийся с Шишковым битых три часа, заявил мне, что ни ему, ни следователю ни один из преступников не признался.

– Хотя для обвинения уже имеются веские улики, – сказал он в заключение, – но было бы весьма желательно, чтобы преступники сами рассказали подробности совершенного ими убийства.

Моя задача, как я думал, была окончена с честью, а между тем я же должен был, как оказывалось, во что бы то ни стало добиться признания. Это было необходимо для того, чтобы убедить австрийского посла в том, что арестованные были настоящими преступниками, о чем он торопился сообщить в Вену.

Убежденный, что общее мнение присутствующих не оскорбит меня подозрением в применении насилия для получения признания у обвиняемых, и получив массу уверений, что успех, если он будет достигнут, будет отнесен к моему искусству в допросах, я решил приступить к окончательному допросу.

По воспитанию и по характеру эти два преступника совершенно не походили друг на друга. Гурий Шишков, крестьянин по происхождению, совсем не отличался от общего типа преступников из простолюдинов. Мужик по виду и по манерам, он был чрезвычайно угрюм и несловоохотлив. Сердце этого человека, как характеризовали его потом его же родственники, не имело понятия о сострадании.

Товарищ его, Петр Гребенников, происходил из купеческой семьи. В семье он жил в довольстве и даже дома получил некоторое образование. Живя с отцом, занимался торговлей лесом. Он показался мне более развитым, чем Шишков, и более способным к порыву, если задеть его самолюбие – эту слабую струнку даже у закоренелых преступников.

Я решил быть с ним крайне осторожным в выражениях, главное, не быть гневным и устрашающим чиновником, а самым обыкновенным человеком.

– Гребенников, вы вот не сознаетесь в преступлении, хотя против вас налицо много веских улик, но это – дело следствия, – так начал я свой допрос. – Теперь скажите мне, неужели вы, отлично, кажется, понимая судебные порядки, неужели вы до сих пор не отдали себе отчета и не уяснили себе, по какому случаю эта торжественная, из ряда вон выходящая обстановка, при которой производится следствие? Вы видели, сколько там высокопоставленных лиц? Неужели вы объясняете их присутствие простым любопытством? Ведь вы знаете, что если бы это было простое любопытство, оно могло быть удовлетворено на суде. Собрались же они тут потому, что вас велено судить военным судом с применением полевых военных законов. А вы знаете, чем это пахнет?.. – не спуская глаз с лица Гребенникова, с ударением произнес я.

– Таких законов нет, чтобы за простое убийство судить военным судом. Да я и не виновен, значит, меня не за что ни вешать, ни расстреливать... – ответил Гребенников.

– Но это не простое убийство. Вы забываете, что князь Аренсберг состоял в России австрийским военным послом, поэтому Австрия требует, подозревая политическую цель убийства, военного полевого суда для главного виновника преступления. А это, как вы сами знаете, равносильно смертной казни. Я вас хотел предупредить, чтобы вы спасали свою голову, пока еще есть время.

– Я ничего не могу сказать, отпустите меня спать, – сказал Гребенников.

На этом допрос пока кончился. Необходимого результата не было, но я видел, что страх запал в его душу.

На следующий день в шестом часу утра я был разбужен дежурным чиновником, который доложил мне, что Гребенников желает меня видеть. Я велел привести его.

– Позвольте вас спросить, когда же будет этот суд, чтобы успеть, по крайней мере, распорядиться кое-чем. Все-таки ведь есть близкие люди, – проговорил Гребенников.

И по его голосу я сразу понял, что не для распоряжений ему это нужно знать, а для того, чтобы узнать подробности.

– Суд назначен на завтра, а сегодня идут приготовления на Конной площади для исполнения казни... Вы знаете какие... На это уйдет целый день...

– Ну так, значит, тут уж ничем не поможешь. За что же это, господи, так быстро? – с нескрываемым волнением проговорил Гребенников.

Я поспешил успокоить его, сказав, что отдалить день суда и даже, может быть, изменить его на гражданский зависит от него самого.

– Как так? – с дрожью в голосе проговорил Гребенников.

– Да очень просто! Сознаться, расскажите все подробно, и я немедленно дам знать, кому следует, о приостановке суда. А там, если откроется, что убийство князя было не с политической целью, а лишь ради ограбления, то дело перейдет в гражданский суд и за ваше искреннее признание присяжные смягчат наказание. Все это очень хорошо сообразил ваш товарищ Шишков. Он еще третьего дня во всем сознался, только уверяет, что он тут почти ни при чем, а все преступление совершили вы. Вы его завлекли, поставили стоять на улице в виде стражи, а сами душили и грабили без его участия... – закончил я равнодушной тоном.

Эффект моего заявления превысил все ожидания: Гребенников то краснел, то бледнел.

– Позвольте подумать! – вдруг сказал он. – Нельзя ли водки или коньяку?

– Отчего же, выпейте, если хотите подкрепиться, только не теряйте времени, мне некогда. Я велел подать коньяку.

– А вы остановите распоряжение о суде? – снова переспросил Гребенников.

– Конечно, – ответил я.

Выпив, Гребенников, как бы собравшись с духом, произнес:

– Извольте, я расскажу. Только уж этого подлеца Шишкова щадить не буду. Виноваты мы действительно: вот как было дело.

Картина преступления, которая обрисовалась из слов Гребенникова, а вслед за ним и Шишкова, была такова.

Накануне преступления Шишков, служивший раньше у князя Аренсберга, зашел в дом, где жил князь, в дворницкую.

– Здравствуй, Иван Петрович, как можешь? – проговорил дворник, здороваясь с вошедшим.

– Князя бы увидеть, – как-то нерешительно произнес Гурий, глядя в сторону.

– В это время их не бывает дома, заходи утром. А на что тебе князь? – спросил дворник.

– Расчетец бы надо получить, – ответил парень. – Ну, да в другой раз зайду. Прощай, Петрович. – И с этими словами пришедший отворил дверь дворницкой, не оборачиваясь, вышел со двора на улицу и скорыми шагами направился к Невскому.

Дойдя до церкви Знаменья, Гурий Шишков повернул на Знаменскую улицу, остановился у окон фруктового магазина и начал оглядываться по сторонам, словно поджидая кого-то. Ждать пришлось недолго. К нему подошел товарищ (это был Гребенников), и они пошли вместе по Знаменской.

– Ну как?

– Все по-старому. Там же проживает и дома не обедает, – проговорил Гурий Шишков.

– Так завтра, как мы распланировали, на том же месте, где сегодня.

– Не замешкайся, как к вечеру зазвонят, будь тут, – проговорил тихим голосом Шишков. Затем, не сказав более ни слова друг другу, они разошлись.

На другой день под вечер, когда парадная дверь еще была отперта, Гурий пробрался в дом и спрятался вверху под лестницей незанятой квартиры.

Князь, как мы уже знаем, ушел вечером из дома. Камердинер приготовил ему постель и тоже ушел с поваром, затворив парадную дверь на ключ и спрятав ключ в известном месте.

В квартире князя воцарилась гробовая тишина. Не прошло и часа, как на парадной лестнице послышался шорох. Гурий Шишков спустился по лестнице и, дойдя до дверей квартиры, на мгновение остановился. Здесь он отворил входную дверь в квартиру и, очутившись в перед-

ней, прямо направился к столику, из которого и взял ключ, положенный камердинером. Осторожными шагами, крадучись, Гурий спустился вниз и отпер взятым ключом парадную дверь.

Затем он снова вернулся наверх и стал ждать...

Уже около одиннадцати часов ночи парадная дверь слегка скрипнула. Кто-то с улицы ее осторожно приоткрыл и тотчас же закрыл, бесшумно повернув ключ в замке. Затем все смолкло. Это был Гребенников. Немного погодя он кашлянул, наверху послышалось ответное кашлянье. После этого условленного знака Гребенников стал подниматься по лестнице.

– Какого черта не шел так долго! – грубо крикнул Шишков на товарища.

– Попробуй сунься-ка в подъезд, когда у ворот дворник пялит глаза, – произнес тот, подойдя к Шишкову.

Затем они оба отправились в квартиру князя, где вошли в спальню.

Это была большая квадратная комната с тремя окнами на улицу. У стены, за ширмами, стояла кровать, около нее помещался ночной столик, на котором лежали немецкая газета, свеча, спички и стояла лампа под синим абажуром. От опущенных на окнах штор в комнате было совершенно темно.

Гурий чиркнул спичку, подойдя к ночному столику, зажег свечку и направился из спальни в соседнюю с ней комнату, служившую для князя уборной.

Гребенников пошел за ним. В уборной между громадным мраморным умывальником и трюмо стоял на полу у стены солидных размеров железный сундук, прикрепленный к полу четырьмя цепями. Шишков подошел к сундуку и стал ощупывать его руками. Гребенников светил ему. Наконец Шишков, нащупав кнопку, придавил ее пальцем, пластинка с треском отскочила вверх, открыв замочную скважину.

– Давай-ка дернем крышку, – проговорил Гребенников.

Оба нагнулись и изо всей силы дернули за выступающий конец крышки сундука: результата никакого. Попробовав еще несколько раз оторвать крышку и не видя от этого никакого толку, Шишков плюнул.

– Нет, тут без ключей не отворишь...

– Вот топора с собой нет, – с сожалением проговорил Гребенников.

– Без ключей ничего не сделать, а ключи он при себе носит.

– А ты не врешь, что князь в бумажнике держит десять тысяч?

– Камердинер хвастал, что у князя всегда в бумажнике не меньше, и весь сундук, говорил, набит деньжищами! – отрывисто проговорил Шишков.

Оба товарища продолжали стоять у сундука.

– Ну, брат, – прервал молчание Шишков, – есть хочется!

Гребенников вынул из кармана пальто трехкопеечный пеклеванник¹¹

¹¹ Пеклеванник – хлеб из пеклевой муки, мелко смолотой ржаной муки высокого помола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.